

развито. Краковяк и марш также отличаются в особенности оригинальностью мелодического стиля. Это достоинство чрезвычайно редкое; и если композитор присоединяет к нему и другие качества — изящную гармонию, прекрасную, чистую, красочную оркестровку, то он по справедливости может требовать места в числе превосходнейших композиторов нашего времени. Таков и автор «Руслана и Людмилы».

О⁸.

Н. И. ГРЕЧ

ИЗ „ПАРИЖСКИХ ПИСЕМ“

Михайло Иванович Глинка провел здесь зиму, пользуясь пособием здешних врачей для укрепления своего здоровья, но вряд ли не придется ему искать другого климата, теплее и благотвореннее здешнего. Он принят здесь с уважением, должным его великому таланту, и по просьбе знатоков и любителей музыки, согласился принять участие в огромном концерте Берлиоза, данном в прошедшее воскресенье, 4/16 марта, в здании цирка в Елисейских полях. Цирк этот служит в летние месяцы поприщем подвигов Франкони и его труппы, а зимою дают в нем большие концерты. Здание прекрасное и величественное. Сцена или оркестр находятся в середине круга, и во все стороны поднимаются от нее скамьи на ступенях, как в древнем амфитеатре. Отовсюду очень хорошо видно и слышно. Декорация залы великолепная. Концерт происходил днем, но зала была ярко освещена газом. После увертюры, исполненной двумястами искусных музыкантов, вышла на сцену старая наша знакомка, г-жа Соловьева, и раздались звуки ригурнеля арии «В поле чистое гляжу», из «Жизни за царя». В самом начале она было оробела, но потом собралась с духом и исполнила арию, как не певала ее никогда прежде. Восторг слушателей был общий и громогласный. Прелесть оригинальной выразительной мелодии увлекла публику. После отрывка из оратории самого Берлиоза оркестр исполнил Лезгинку (из «Руслана»), которая произвела не меньшее действие, но в другом отношении: кавказская мелодия, чуждая европейскому слуху, но не варварская, своенравная, но не противоречащая музыкальному чувству, изумила парижан. «C'est sauvage, mais c'est beau!» * восклицали они, хлопая изо всей мочи. По причине ужаснейшей непогоды, свирепствовавшей во весь тот день, цирк не был полон, следственно, молва о новых, не слыханных дотоле в Париже произведениях музыки, не могла распространиться во всей публике; но истинные знатоки с удовольствием отдавали справедливость г. Глинке, и даже на репетициях музыканты (редко отдающие пальму первенства сопернику-иностранцу) усердно ему рукоплескали. — Здесь г. Глинка не написал ничего: авось-либо струны его арфы отзовутся на веяние зефиров полуденного неба.

*

...На прошедшей неделе М. И. Глинка дал блистательный концерт в пользу благотворительного музыкального общества. Просторная зала Герца была наполнена слушателями всех наций. Мне казалось, что я сижу в нашей филармонической зале: все говорят по-французски, и только у некоторых изредка вырываются невзначай русские фразы. — Концерт открылся увертюрою «Семирамиды»: она была исполнена оркестром Итальянской оперы с большим искусством; мне почудилось,

* Это дико, но это прекрасно (франц.)

несколько арий из обеих опер, но госпожа Соловьева до того простудилась накануне, что никак не могла исполнить своего обещания: с трудом пропела она, с Маррасом, дуэт из «Пуритан», и должна была отказаться от остального... Маррас пел прекрасно и, видя нездоровье певицы, взялся исполнить одну арию, о которой не было сказано на афише. Г. Глинка был очень стеснен в выборе своих пьес. Во-первых, не было певцов для исполнения лучших частей его опер, и притом нельзя было предложить парижской публике ничего строгого, серьезного: здесь любят музыку легкую, игривую, понятную. Во-вторых, г. Глинка решился давать здешней публике только оригинальное, русское, свое, написанное и исполненное в России, и отнюдь не писать ничего нового, по вкусу и требованиям Запада². Но это стеснение не повредило успеху: вся публика отдала справедливость нашему композитору; отголоском и выражением этой справедливости была статья, помещенная Берлиозом в «Journal des debats» 16 апреля³, о дарованиях и трудах М. И. Глинки. Надеюсь и уверен, что эта статья, свидетельствующая до какой степени отечественные наши таланты обращают на себя внимание и уважение благонамеренных и сведущих иностранцев, будет напечатана, в переводе, в одном из наших журналов*. Журнальные статьи как в Париже, так и в других местах нередко бывают отголоском взаимного восхваления, происков, просьб неотступных и т. п. Эта же статья была данью искреннею и беспристрастною. Свидетельством тому служит следующее партикулярное письмо Берлиоза к М. И. Глинке: «Не довольно исполнять вашу музыку, и говорить многим, что она свежа, жива, прелестна силою и оригинальностью; я должен еще иметь удовольствие написать несколько столбцов об этом предмете, тем более, что это мой долг. Не обязан ли я сообщать публике все, что происходит в Париже замечательного по сей части? Итак, сделайте одолжение, сообщите мне несколько известий о вас, о вашем первоначальном образовании, о музыкальных заведениях России, о ваших творениях. Разобрав притом с вами вашу партицию, чтобы узнать ее с меньшим несовершенством, я в состоянии буду написать нечто сносное и сообщить читателям журнала приблизительное понятие о вашем высоком достоинстве. Меня до крайности измучили окаянные концерты, претензии артистов и т. п., но я улучу время, чтоб составить статью в этом роде: редко попадаются предметы столь интересные⁴.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

КОНЦЕРТ Л. МАУРЕРА

...Выбор пьес отличается новостью, неожиданностью и может удовлетворить самому взыскательному, самому пресыщенному вкусу. Одну из пьес, впрочем, мы слышали уже в концерте Дёлера, но эта пьеса — знаменитое трио из «Жизни за царя» Глинки, исполненное г-жею Виардо-Гарсиєю, Рубини и Тамбурини¹. Кто не захочет несколько раз сряду

* Она уже напечатана, на-днях, в С.-Петербургских ведомостях.— *Примечание редакции «Северной пчелы».*